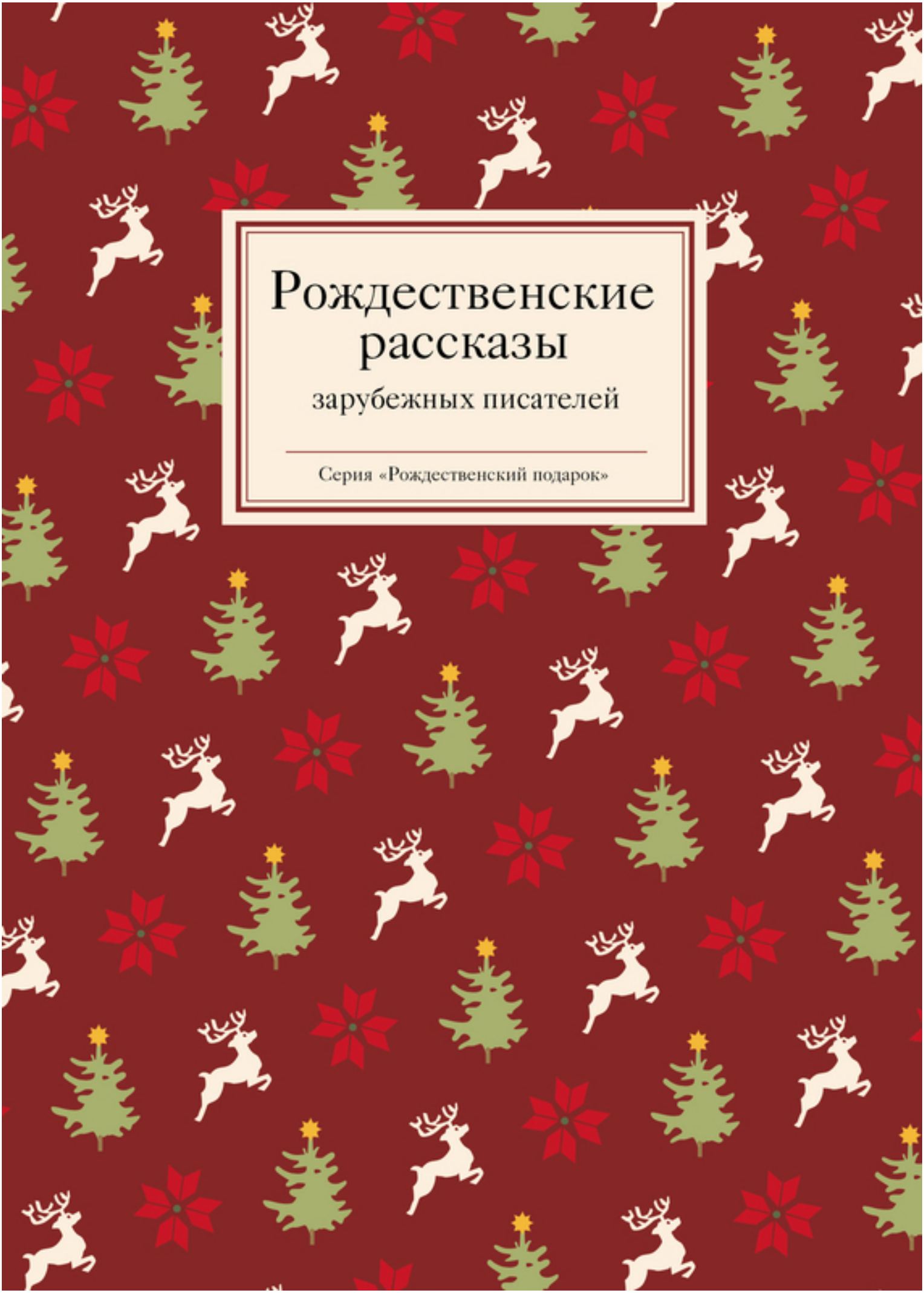
Рождественские
рассказы
зарубежных писателей
Серия «Рождественский подарок»

Рождественский подарок

Рождественские рассказы зарубежных писателей

«Никея»
2014

Рождественские рассказы зарубежных писателей / «Никея», 2014 — (Рождественский подарок)

В сознании западных христиан Рождество остается главным праздником. Не удивительно, что тема Рождества Христова получила богатейшее развитие в европейском искусстве и литературе. Именно поэтому мы решили издать рождественские рассказы зарубежных писателей отдельной книгой. В сборник вошли произведения классиков: Диккенса, Майн Рида, Анатоля Франса, Честертона и других.Книга станет прекрасным подарком всем ценителям классической зарубежной литературы.

, 2014

© Никея, 2014

Содержание

Чарльз Диккенс (1812–1870) 6
Рождественская песнь в прозе 6
Строфа первая 6
Строфа вторая 16
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Составитель Татьяна Стрыгина
Рождественские рассказы зарубежных писателей

Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви ИС 13-315-2238

Дорогой читатель!

Выражаем Вам глубокую благодарность за то, что Вы приобрели легальную копию электронной книги издательства «Никея».

Если же по каким-либо причинам у Вас оказалась пиратская копия книги, то убедительно просим Вас приобрести легальную. Как это сделать – узнайте на нашем сайте **www.nikeabooks.ru**

Если в электронной книге Вы заметили какие-либо неточности, нечитаемые шрифты и иные серьезные ошибки – пожалуйста, напишите нам на **info@nikeabooks.ru**

Спасибо!

Чарльз Диккенс (1812–1870)

Рождественская песнь в прозе
Перевод с английского С. Долгова

Строфа первая
Тень Марлея

Марлей умер – начнем с того. Сомневаться в действительности этого события нет ни малейшего повода. Свидетельство о его смерти было подписано священником, причетником, гробовщиком и распорядителем похоронной процессии. Оно было подписано и Скруджем; а имя Скруджа, как и всякая бумага, носившая его подпись, уважалось на бирже.

А знал ли Скрудж, что Марлей умер? Конечно, знал. Иначе не могло и быть. Ведь они с ним были компаньонами Бог весть сколько лет. Скрудж был и его единственным душеприказчиком, единственным наследником, другом и плакальщиком. Однако он не был особенно удручен этим печальным событием и, как истинно деловой человек, почтил день похорон своего друга удачной операцией на бирже.

Упомянув о похоронах Марлея, я поневоле должен вернуться еще раз к тому, с чего начал, то есть что Марлей несомненно умер. Это необходимо категорически признать раз и навсегда, а то в предстоящем моем рассказе не будет ничего чудесного. Ведь если бы мы не были твердо уверены, что отец Гамлета умер до начала пьесы, то в его ночной прогулке невдалеке от собственного жилища не было бы ничего особенно замечательного. Иначе стоило любому отцу средних лет выйти в вечернюю пору подышать свежим воздухом, чтобы перепугать своего трусливого сына.

Скрудж не уничтожил на своей вывеске имени старого Марлея: прошло несколько лет, а над конторой по-прежнему стояла надпись: «Скрудж и Марлей». Под этим двойным именем фирма их и была известна, так что Скруджа иногда называли Скруджем, иногда, по незнанию, Марлеем; он отзывался на то и на другое; для него это было безразлично.

Но что за отъявленный скряга был этот Скрудж! Выжать, вырвать, сгрести в свои жадные руки было любимым делом этого старого грешника! Он был тверд и остер, как кремень, из которого никакая сталь не могла извлечь искры благородного огня; скрытный, сдержанный, он прятался от людей, как устрица. Его внутренний холод отражался на его старческих чертах, сказывался в заостренности его носа, в морщинах щек, одеревенелости походки, красноте глаз, синеве его тонких губ и особенно в резкости его грубого голоса. Морозный иней покрывал его голову, брови и небритый подбородок. Свою собственную низкую температуру он всюду приносил с собою: замораживал свою контору в праздничные, нетрудовые дни и даже в Рождество не давал ей нагреться и на один градус.

Ни жар, ни холод наружный не действовали на Скруджа. Никакое тепло не в силах было согреть его, никакая стужа не могла заставить его озябнуть. Не было ни ветра резче его, ни снега, который, падая на землю, упорнее преследовал бы свои цели. Проливной дождь, казалось, был доступнее для просьб. Самая гнилая погода не могла донять его. Сильнейший дождь, и снег, и град только в одном могли похвалиться перед ним: они часто сходили на землю красиво, Скрудж же не снисходил никогда.

Никто на улице не останавливал его веселым приветствием: «Как поживаете, любезный Скрудж? Когда думаете навестить меня?» Нищие не обращались к нему за милостыней, дети

не спрашивали у него, который час; ни разу во всю его жизнь никто не спросил у него дороги. Даже собаки, которые водят слепцов, и те, казалось, знали, что это за человек: как только завидят его, поспешно тащат своего хозяина в сторону, куда-нибудь в ворота или во двор, где, виляя хвостом, как будто хотят сказать своему слепому хозяину: без глаза лучше, чем с дурным глазом!

Но что за дело было до всего этого Скруджу! Напротив, он был очень доволен таким отношением к нему людей. Пробираться в стороне от торной дороги жизни, подальше от всяких человеческих привязанностей, – вот что он любил.

Однажды – это было в один из лучших дней в году, а именно накануне Рождества Христова – старик Скрудж трудился в своей конторе. Стояла резкая, холодная и притом очень туманная погода. Снаружи доносилось тяжелое дыхание прохожих; слышно было, как они усиленно топали по тротуару ногами, били рука об руку, стараясь как-нибудь согреть свои окоченевшие пальцы. День еще с утра был пасмурный, а когда на городских часах пробило три, то стало так темно, что пламя свечей, зажженных в соседних конторах, казалось сквозь окна каким-то красноватым пятном на непрозрачном буром воздухе. Туман пробивался сквозь каждую щель, чрез всякую замочную скважину и был так густ снаружи, что дома, стоявшие по другую сторону узкого двора, где помещалась контора, являлись какими-то неясными призраками. Смотря на густые, нависшие облака, которые окутывали мраком все окружающее, можно было подумать, что природа сама была здесь, среди людей, и занималась пивоварением в самых широких размерах.

Дверь из комнаты, где трудился Скрудж, была открыта, чтобы ему удобнее было наблюдать за своим конторщиком, который, сидя в крошечной полутемной каморке, переписывал письма. В камине самого Скруджа был разведен очень слабый огонь, а то, чем согревался конторщик, и огнем нельзя было назвать: это был просто едва-едва тлеющий уголек. Растопить пожарче бедняга не осмеливался, потому что ящик с углем Скрудж держал в своей комнате и решительно всякий раз, когда конторщик входил туда с лопаткой, хозяин предупреждал его, что им придется расстаться. Поневоле пришлось конторщику надеть свой белый шарф и стараться согреть себя у свечки, что ему, за недостатком пылкого воображения, конечно, и не удавалось.

– С праздником, дядюшка! Бог вам в помощь! – послышался вдруг веселый голос.

Это был голос племянника Скруджа, прибежавшего так внезапно, что это приветствие было первым признаком его появления.

– Пустяки! – сказал Скрудж.

Молодой человек так нагрелся от быстрой ходьбы по морозу, что красивое лицо его как бы горело; глаза ярко сверкали, и дыхание его было видно на воздухе.

– Как? Рождество пустяки, дядюшка?! – сказал племянник. – Право, вы шутите.

– Нет, не шучу, – возразил Скрудж. – Какой там радостный праздник! По какому праву ты радуешься и чему? Ты так беден.

– Ну, – весело ответил племянник, – а по какому праву вы мрачны, что заставляет вас быть таким угрюмым? Вы ведь так богаты.

Скрудж не нашелся что ответить на это и только еще раз произнес:

– Пустяки!

– Будет вам сердиться, дядя, – начал опять племянник.

– Что же прикажете делать, – возразил дядя, – когда живешь в мире таких глупцов? Веселый праздник! Хорош веселый праздник, когда нужно платить по счетам, а денег нет; год прожил, а побогатеть и на грош не побогател – приходит время подсчитывать книги, в которых за все двенадцать месяцев ни по одной статье не оказывается прибыли. О, если б моя воля была, – продолжал гневно Скрудж, – каждого идиота, который носится с этим веселым

праздником, я бы сварил вместе с его пудингом и похоронил бы его, проколов ему сперва грудь колом из остролистника[1]. Вот что б я сделал!

– Дядя! Дядя! – произнес, как бы защищаясь, племянник.

– Племянник! – сурово возразил Скрудж. – Справляй Рождество как знаешь и предоставь мне справлять его по-моему.

– Справляй! – повторил племянник. – Да разве его так справляют?

– Оставь меня, – сказал Скрудж. – Поступай как хочешь! Много толку вышло до сих пор из твоего празднования?

– Правда, я не воспользовался как следует многим, что могло бы иметь добрые для меня последствия, например Рождество. Но уверяю вас, всегда с приближением этого праздника я думал о нем как о добром, радостном времени, когда, не в пример долгому ряду остальных дней года, все, и мужчины и женщины, проникаются христианским чувством человечности, думают о меньшей братии как о действительных своих спутниках к могиле, а не как о низшем роде существ, идущих совсем иным путем. Я уже не говорю здесь о благоговении, подобающем этому празднику по его священному имени и происхождению, если только что-нибудь, связанное с ним, может быть отделено от него. Поэтому-то, дядюшка, хотя оттого у меня ни золота, ни серебра в кармане не прибавлялось, я все-таки верю, что польза для меня от такого отношения к великому празднику была и будет, и я от души благословляю его!

Конторщик в своей каморке не выдержал и одобрительно захлопал в ладоши, но в ту же минуту, почувствовав неуместность своего поступка, поспешно загреб огонь и потушил последнюю слабую искру.

– Если от вас я услышу еще что-нибудь в этом роде, – сказал Скрудж, – то вам придется отпраздновать свое Рождество потерей места. Однако вы изрядный оратор, милостивый государь, – прибавил он, обращаясь к племяннику, – удивительно, что вы не член парламента.

– Не сердитесь, дядя. Пожалуйста, приходите к нам завтра обедать.

Тут Скрудж, не стесняясь, предложил ему убраться подальше.

– Почему же? – воскликнул племянник. – Почему?

– Почему ты женился? – сказал Скрудж.

– Потому что влюбился.

– Потому что влюбился! – проворчал Скрудж, как будто это была единственная вещь в мире, еще более смешная, чем радость праздника. – Прощай!

– Но, дядюшка, вы ведь и до этого события никогда не бывали у меня. Зачем же ссылаться на него как на предлог, чтоб не прийти ко мне теперь?

– Прощай! – повторил Скрудж, вместо ответа.

– Мне ничего от вас не нужно; я ничего не прошу у вас: отчего бы не быть нам друзьями?

– Прощай!

– Сердечно жалею, что вы так непреклонны. Мы никогда не ссорились по моей вине. Но ради праздника я сделал эту попытку и останусь до конца верен своему праздничному настроению. Итак, дядюшка, дай вам Бог в радости встретить и провести праздник!

– Прощай! – твердил старик.

– И счастливого Нового года!

– Прощай!

Несмотря на такой суровый прием, племянник вышел из комнаты, не произнеся сердитого слова. У наружной двери он остановился поздравить с праздником конторщика, который, как бы ему ни было холодно, оказался теплее Скруджа, так как он сердечно ответил на обращенное к нему приветствие.

---

[1] *Пудинг* – необходимое рождественское блюдо англичан, как *остролистник* – обязательное украшение их комнат на святочных вечерах.

– Вот еще другой такой же нашелся, – пробормотал Скрудж, до которого донесся разговор из каморки. – Мой конторщик, имеющий пятнадцать шиллингов в неделю да еще жену и детей, толкует о веселом празднике. Хоть в сумасшедший дом!

Проводив племянника Скруджа, конторщик впустил двух других людей. Это были представительные джентльмены приятной наружности. Сняв шляпы, они остановились в конторе. В руках у них были книги и бумаги. Они поклонились.

– Это контора Скруджа и Марлея, если не ошибаюсь? – сказал один из господ, справляясь с своим листом. – Имею честь говорить с господином Скруджем или с господином Марлеем?

– Господин Марлей умер семь лет тому назад, – ответил Скрудж. – Сегодня ночью минет ровно семь лет со времени его смерти.

– Мы не сомневаемся, что его щедрость имеет достойного представителя в лице пережившего его товарища по фирме, – сказал джентльмен, подавая свои бумаги.

Он сказал правду: это были родные братья по духу. При страшном слове «щедрость» Скрудж нахмурил брови, покачал головой и отстранил от себя бумаги.

– В эту праздничную пору года, господин Скрудж, – сказал джентльмен, беря перо, – более, чем обыкновенно, желательно, чтобы мы немного позаботились о бедных и нуждающихся, которым очень плохо приходится в настоящее время. Многие тысячи нуждаются в самом необходимом; сотни тысяч лишены самых обыкновенных удобств, милостивый государь.

– Разве нет тюрем? – спросил Скрудж.

– Тюрем много, – сказал джентльмен, кладя перо на место.

– А рабочие дома? – осведомился Скрудж. – Существуют они?

– Да, по-прежнему, – ответил джентльмен. – Хотелось бы, чтоб их больше не было.

– Стало быть, исправительные заведения и закон о бедных в полном ходу? – спросил Скрудж.

– В полнейшем ходу и то и другое, милостивый государь.

– Ага! А то я было испугался, слыша ваши первые слова; подумал, уж не случилось ли с этими учреждениями чего-нибудь, что заставило их прекратить свое существование, – сказал Скрудж. – Очень рад это слышать.

– Сознавая, что вряд ли эти суровые способы доставляют христианскую помощь духу и телу народа, – возразил джентльмен, – некоторые из нас взяли на себя заботу собрать сумму на покупку для бедняков пищи и топлива. Мы выбрали это время как такое, когда нужда особенно чувствуется, а изобилие услаждается. Что прикажете записать от вас?

– Ничего, – ответил Скрудж.

– Вы хотите остаться неизвестным?

– Я хочу, чтобы меня оставили в покое, – сказал Скрудж. – Если вы меня спрашиваете, чего я хочу, вот вам мой ответ. Я сам не веселюсь на празднике и не могу доставлять возможности веселиться праздным людям. Я даю на поддержание учреждений, о которых упомянул; на них тратится не мало, и у кого плохи обстоятельства, пусть туда идут!

– Многие не могут идти туда; многие предпочли бы умереть.

– Если им легче умереть, – сказал Скрудж, – пусть они лучше так и делают; меньше будет лишнего народа. Впрочем, извините меня, я этого не знаю.

– Но вы могли бы знать, – заметил один из посетителей.

– Это не мое дело, – ответил Скрудж. – Довольно для человека, если он понимает собственное дело и не мешается в чужие. Моего дела с меня достаточно. Прощайте, господа!

Ясно видя, что им не достигнуть здесь своей цели, господа удалились. Скрудж принялся за работу с лучшим мнением о самом себе и в лучшем расположении духа, нежели обыкновенно.

Между тем туман и мрак сгустились до такой степени, что на улице появились люди с зажженными факелами, предлагавшие свои услуги идти перед лошадьми и указывать экипажам дорогу. Древняя колокольня, угрюмый старый колокол которой всегда лукаво поглядывал вниз на Скруджа из готического окна в стене, стала невидимой и отбивала свои часы и четверти где-то в облаках; звуки ее колокола так дрожали потом в воздухе, что казалось, как будто в замерзшей голове ее зубы стучали друг об друга от холода. На главной улице, около угла подворья, несколько работников поправляли газовые трубы: у разведенного ими в жаровне большого огня собралась кучка оборванцев, взрослых и мальчиков, которые, жмуря перед пламенем глаза, с наслаждением грели у него руки. Водопроводный кран, оставленный в одиночестве, не замедлил покрыться печально повисшими сосульками льда. Яркое освещение магазинов и лавок, где ветки и ягоды остролистника трещали от жара оконных ламп, отражалось красноватым отблеском на лицах прохожих. Даже лавочки торговцев живностью и овощами приняли какой-то праздничный, торжественный вид, столь мало свойственный делу продажи и наживы.

Лорд-мэр в своем громадном, как крепость, дворце отдавал приказания своим бесчисленным поварам и дворецким, чтобы все было приготовлено к празднику, как подобает в хозяйстве лорд-мэра. Даже плюгавый портной, оштрафованный им в прошлый понедельник на пять шиллингов за появление в пьяном виде на улице, и тот, сидя на своем чердаке, мешал завтрашний пудинг, пока худощавая жена его вышла с ребенком купить мяса.

Тем временем мороз все крепчал, отчего туман стал еще гуще. Изможденный холодом и голодом, мальчик остановился у двери Скруджа прославить Христа и, нагнувшись к замочной скважине, запел было песню:

Пошли вам Бог здоровья,
добрый барин!
Пусть будет радостен для вас
великий праздник!

Но при первом же звуке его голоса Скрудж схватил линейку так порывисто, что певец пустился с испуга бежать, предоставив замочную щель туману и еще более сродному Скруджу морозу.

Наконец пришло время запирать контору. Нехотя слез Скрудж со своего табурета и тем молча признал наступление этой неприятной для него необходимости. Конторщик только того и ждал; он моментально задул свою свечу и надел шляпу.

– Вы, полагаю, захотите воспользоваться целым завтрашним днем? – сухо спросил Скрудж.

– Да, если это удобно, сэр.

– Это совсем неудобно, – сказал Скрудж, – и нечестно. Если б я удержал полкроны из вашего жалованья, вы, наверное, сочли бы себя обиженным.

Конторщик слабо улыбнулся.

– Однако, – продолжал Скрудж, – вы не считаете меня обиженным, когда я даром плачу дневное жалованье.

Конторщик заметил, что это бывает только раз в году.

– Плохое извинение в обкрадывании чужого кармана каждое двадцать пятое декабря! – сказал Скрудж, застегивая до подбородка свое пальто. – Но, полагаю, вам нужен целый день. Зато на следующее утро будьте здесь как можно раньше!

Конторщик обещал исполнить приказание, и Скрудж вышел, бормоча что-то про себя. Контора была заперта во мгновение ока, и конторщик, с болтавшимися ниже куртки концами своего белого шарфа (верхнего платья у него не было), раз двадцать прокатился по льду замерз-

шей канавки позади целой вереницы ребятишек – так рад был он отпраздновать ночь на Рождество – а затем во всю прыть побежал домой в Кэмден-Таун играть в жмурки.

Скрудж съел свой скучный обед в своем обычном скучном трактире; затем, прочтя все газеты и проведя остаток вечера в рассматривании своей записной банкирской книжки, отправился домой.

Он занимал помещение, принадлежавшее некогда его покойному компаньону. Это был ряд неприглядных комнат в большом мрачном доме, в глубине двора; этот дом был так не на месте, что иной мог подумать, что, будучи еще молодым домом, он забежал сюда, играя в прятки с другими домами, но, потеряв дорогу назад, остался здесь. Теперь это было довольно старое здание, угрюмого вида, потому что никто, кроме Скруджа, в нем не жил, а другие комнаты все отдавались под конторы. На дворе стояла такая темнота, что даже Скрудж, знавший здесь каждый камень, должен был идти ощупью. Морозный туман так густо навис над старой темной дверью дома, что казалось, как будто гений погоды сидел в мрачном раздумье на его пороге.

Несомненно, что, кроме больших размеров, решительно ничего особенного не было в колотушке, висевшей у двери. Одинаково верно, что Скрудж, за все время пребывания своего в этом доме, видал эту колотушку и утром и вечером. К тому же у Скруджа то, что называется воображением, отсутствовало, как и у любого обитателя лондонского Сити[2]. Не забудьте при этом, что Скрудж ни разу не подумал о Марлее с тех пор, как при разговоре в конторе он упомянул о совершившейся семь лет тому назад его кончине. И пусть теперь кто-нибудь объяснит мне, если может, каким образом могло случиться, что Скрудж, вкладывая ключ в замок двери, увидал в колотушке, которая никакого непосредственного превращения не претерпела, – не колотушку, а лицо Марлея.

Лицо это не было покрыто непроницаемым мраком, окутывавшим другие бывшие на дворе предметы, – нет, оно слегка светилось, как светятся гнилые раки в темном погребе. В нем не было выражения гнева или злобы, оно смотрело на Скруджа так, как, бывало, всегда смотрел Марлей – подняв очки на лоб. Волосы стояли дыбом, как будто от дуновения воздуха; глаза, хотя и совершенно открытые, были неподвижны. Вид этот при сине-багровом цвете кожи был ужасен, но этот ужас был как-то сам по себе, а не в лице.

Когда Скрудж пристальнее вгляделся в это явление, оно исчезло, и колотушка стала опять колотушкой.

Сказать, что он не был испуган и что кровь его не испытала страшного ощущения, которому он был чужд с детства, – было бы неправдой. Но он снова взялся за ключ, который было уже выпустил, решительно повернул его, вошел в дверь и зажег свечку.

Но он остановился на минуту **в** нерешительности, прежде чем затворил дверь, и сперва осторожно заглянул за нее, как бы отчасти ожидая быть испуганным при виде если не лица Марлея, то косы его, торчащей в сторону сеней. Но сзади двери ничего не было, кроме винтов и гаек, на которых держалась колотушка. Он только произнес: «Фу! фу!» – и захлопнул дверь с шумом.

Звук этот, как гром, раздался по всему дому. Казалось, каждая комната наверху, каждая бочка в подвале виноторговца внизу обладала своим особым подбором эха. Скрудж был не из тех, которые боятся эха. Он запер дверь, прошел через сени и стал всходить по лестнице, но медленно, поправляя свечу.

Рассказывают про старинные лестницы, будто по ним можно было въехать шестериком; а про эту лестницу можно подлинно сказать, что по ней легко бы можно было поднять целую погребальную колесницу, да еще поставив ее поперек, так что дышло приходилось бы к пери-

[2] *Сити* – исторический район Лондона, сформировавшийся на основе древнеримского города Лондиниум; в XIX в. Сити был главным деловым и финансовым центром в мире и продолжает оставаться одной из столиц мирового бизнеса и по сей день.

лам, а задние колеса к стене. Места для этого было бы вдоволь, да и еще осталось бы. По этой, может быть, причине Скруджу представлялось, что перед ним подвигаются в темноте погребальные дроги. Полдюжины газовых фонарей с улицы не осветили бы достаточно входа – так он был обширен; отсюда вам станет понятно, как мало света давала свеча Скруджа.

Скрудж шел себе да шел, нимало об этом не беспокоясь; потемки недорого стоят, а Скрудж любил дешевизну. Однако, прежде чем запереть свою тяжелую дверь, он прошел по всем комнатам с целью убедиться, что все было в порядке. Вспоминая о лице Марлея, он пожелал исполнить эту предосторожность.

Гостиная, спальня, кладовая – все как следует. Никого не оказалось ни под столом, ни под диваном; в камине маленький огонь; на полке камина приготовленные ложка и миска да небольшая кастрюля с кашицей (у Скруджа была немного простужена голова). Ничего не нашлось ни под кроватью, ни в шкафу, ни в его халате, висевшем в несколько подозрительном положении на стене. В кладовой все те же обычные предметы: старая решетка от камина, старые сапоги, две корзины для рыбы, умывальник на трех ножках и кочерга.

Вполне успокоившись, он запер дверь и при этом дважды повернул ключ, что не было в его обыкновении. Обезопасив себя таким образом от нечаянностей, он снял галстук, надел халат, туфли и ночной колпак и сел перед огнем есть свою кашицу.

Не жаркий это был огонь, совсем не по такой холодной ночи. Ему пришлось сесть к камину вплотную и еще нагнуться, прежде чем он мог почувствовать хотя небольшую теплоту от такого малого количества топлива. Камин был старинный, построен Бог весть когда какими-нибудь голландскими купцами и кругом выложен причудливыми голландскими изразцами, долженствовавшими изображать библейские сцены. Тут были Каины и Авели, дочери фараона, Савские царицы, небесные посланники, сходящие по воздуху на облаках, подобных пуховым перинам, Авраамы, Балтазары, апостолы, пускающиеся в море в масленках; сотни других фигур, которые могли бы привлечь к себе мысли Скруджа. Тем не менее лицо Марлея, умершего семь лет назад, являлось подобно жезлу пророка и поглощало все остальное. Если бы каждый изразец был гладкий и в состоянии был бы отпечатлеть на своей поверхности какое-нибудь изображение из несвязных отрывков его мыслей, на каждом из них изобразилась бы голова старого Марлея.

– Пустяки! – сказал Скрудж и стал ходить по комнате.

Пройдясь несколько раз, он сел опять. Когда он откинул голову на спинку кресла, взор его случайно остановился на колокольчике, давно заброшенном, который висел в комнате и для какой-то, теперь уже забытой, цели был проведен из комнаты, помещавшейся в самом верхнем этаже дома. К великому изумлению и странному, необъяснимому ужасу Скруджа, когда он смотрел на колокольчик, тот начал качаться. Он качался так слабо, что едва производил звук; но скоро он зазвонил громко, и ему начал вторить каждый колокольчик в доме.

Может быть, это продолжалось полминуты или минуту, но Скруджу показалось часом. Колокольчики замолчали также, как и начали, – разом. Затем глубоко внизу послышался звенящий звук, как будто кто-нибудь тащил тяжелую цепь по бочкам в подвал виноторговца. Тут Скруджу пришли на память слышанные им когда-то рассказы, что в домах, где есть домовые, последние описываются влекущими цепи.

Вдруг дверь погреба с шумом растворилась, звук стал гораздо громче; вот он доносится с пола нижнего этажа, затем слышится на лестнице и, наконец, направляется прямо к двери.

– Все-таки это пустяки! – произнес Скрудж. – Не верю этому.

Однако цвет лица его изменился, когда, не останавливаясь, звук прошел сквозь тяжелую дверь и остановился перед ним в комнате. В эту минуту угасавшее в камине пламя вспыхнуло, как будто говоря: «Я знаю его! это дух Марлея!» И – снова упало.

Да, это было то самое лицо. Марлей с своей косой, в своем жилете, узких обтянутых панталонах и сапогах; кисточки на них стояли дыбом, так же как и коса, полы кафтана и волосы

на голове. Цепь, которую он носил с собою, охватывала его поясницу и отсюда свешивалась сзади вроде хвоста. Это была длинная цепь, составленная – Скрудж близко рассмотрел ее – из железных сундучков, ключей, висячих замков, конторских книг, деловых бумаг и тяжелых кошельков, обделанных сталью. Тело его было прозрачно, так что Скрудж, наблюдая за ним и смотря чрез его жилетку, мог видеть две задние пуговицы его кафтана.

Скрудж часто слыхал от людей, что у Марлея не было ничего внутри, но он никогда до сих пор не верил этому.

Да и теперь он не верил. Как он ни смотрел на призрак, как хорошо ни видел его стоящим пред собою, как ни чувствовал леденящий взор его мертвенно-холодных глаз, как ни различал даже самую ткань сложенного платка, которым была подвязана его голова и подбородок и который он сначала не заметил, – он все-таки оставался неверующим и боролся с собственными чувствами.

– Ну, что же? – сказал колко и холодно, как всегда, Скрудж. – Что тебе от меня нужно?

– Многое! – раздался в ответ несомненный голос Марлея.

– Кто ты?

– Спроси меня, кто я был.

– Кто же был ты? – сказал Скрудж, повышая голос.

– При жизни я был твоим компаньоном, Яковом Марлеем.

– Можешь ли ты… можешь ли ты сесть? – спросил Скрудж, сомнительно смотря на него.

– Могу.

– Так сядь.

Скрудж сделал этот вопрос, не зная, может ли дух, будучи таким прозрачным, сесть на стул, и тут же сообразил, что если бы это оказалось невозможным, вызвало бы необходимость довольно неприятных объяснений. Но привидение село по другую сторону камина, как будто было совершенно привычно к этому.

– Ты не веришь в меня? – заметил дух.

– Нет, не верю, – сказал Скрудж.

– Какого доказательства желал бы ты в моей действительности, сверх своих чувств?

– Я не знаю, – ответил Скрудж.

– Почему ты сомневаешься в своих чувствах?

– Потому, – сказал Скрудж, – что всякая безделица на них влияет. Желудок не в порядке – и они начинают обманывать. Может быть, ты не больше, как непереваренный кусок мяса, комочек горчицы, крошка сыра, частица недоварившейся картофелины. Что бы там ни было, но могильного в тебе очень мало.

Не в привычке Скруджа было отпускать остроты, тем более в эту минуту ему было не до шуток. На самом деле если он теперь и старался острить, то лишь с целью отвлечь свое собственное внимание и подавить свой страх, так как голос привидения тревожил его до мозга костей.

Просидеть и одну минуту, глядя в упор в эти неподвижные стеклянные глаза, было выше его сил. Что еще особенно наводило ужас, это какая-то сверхъестественная атмосфера, окружавшая привидение. Скрудж сам не мог ощущать ее, тем не менее присутствие ее было несомненно, так как, несмотря на полную неподвижность духа, его волосы, фалды и кисточки – все находилось в движении, как будто ими двигал горячий пар из печки.

– Видишь ты эту зубочистку? – спросил Скрудж, стараясь хоть на секунду отвлечь от себя стеклянный взор своего загробного посетителя.

– Вижу, – ответил дух.

– Ты не смотришь на нее, – сказал Скрудж.

– Не смотрю, но все-таки вижу, – отвечал Дух.

– Так, – возразил Скрудж. – Стоит мне только проглотить ее, чтобы на весь остаток моей жизни подвергнуться преследованию целого легиона привидений; и все это будет дело собственных рук. Пустяки, повторяю тебе, пустяки!

При этих словах дух поднял страшный крик и с таким ужасающим звуком потряс своею цепью, что Скрудж крепко ухватился за кресло, боясь упасть в обморок. Но каков был его ужас, когда привидение сняло с головы свою повязку, как будто ему стало жарко от нее в комнате, и нижняя челюсть его упала на грудь.

Скрудж бросился на колени и закрыл лицо руками.

– Смилуйся, страшное видение! – произнес он. – За что ты меня мучаешь?

– Человек земных помыслов! – воскликнул дух. – Веришь ли ты в меня или нет?

– Верю, – сказал Скрудж. – Я должен верить. Но зачем духи ходят по земле и для чего являются они ко мне?

– От всякого человека требуется, – ответило видение, – чтобы дух, живущий в нем, посещал своих ближних и ходил для этого повсюду; и если этот дух не странствует таким образом при жизни человека, то осуждается на странствование после смерти. Он обрекается скитанию по свету – о, увы мне! – и должен быть свидетелем того, в чем участия принять уже не может, но мог бы, пока жил на земле, и тем достиг бы счастья!

Дух снова поднял крик, потрясая свою цепь и ломая себе руки.

– Ты в оковах, – сказал Скрудж, дрожа. – Скажи, почему?

– Я ношу цепь, которую сковал себе при жизни, – ответил дух. – Я работал ее звено за звеном, ярд за ярдом; я опоясался ею по своей собственной воле и по собственной же свободной воле ношу ее. Разве рисунок ее не знаком тебе?

Скрудж дрожал все сильнее и сильнее.

– И если бы ты знал, – продолжал дух, – как тяжела и длинна цепь, которую ты сам носишь! Еще семь лет тому назад она была так же тяжела и длинна, как вот эта. А с тех пор ты над ней много потрудился. О, это тяжелая цепь!

Скрудж посмотрел на пол около себя, ожидая увидеть себя окруженным пятидесятисаженным железным канатом, однако ничего не увидал.

– Яков! – произнес он умоляющим тоном. – Старинный мой Яков Марлей, поведай мне еще. Скажи мне что-нибудь утешительное, Яков.

– У меня нет утешения, – ответил дух. – Оно приходит из других сфер, Эбенизер Скрудж, и сообщается чрез иное посредство иного рода людям. И сказать тебе того, что бы хотел, я не могу. Лишь немногое еще дозволено мне. Для меня нет ни остановки, ни покоя. Мой дух никогда не выходил за стены нашей конторы – заметь себе! – при жизни дух мой никогда не покидал тесных пределов нашей меняльной лавчонки, зато теперь передо мною бесконечный тягостный путь!

У Скруджа была привычка опускать руки в карманы брюк, когда он задумывался. Так сделал он и теперь, размышляя о словах духа, но все не поднимая глаз и не вставая с колен.

– Ты, должно быть, очень медленно совершаешь свое путешествие, Яков, – заметил Скрудж деловым, хотя и почтительно-скромным тоном.

– Медленно! – повторил дух.

– Семьлет как умер, – удивлялся Скрудж, – и все еще странствует.

– Да, все время, – сказал дух, – не зная ни отдыха, ни покоя, и под беспрерывной пыткой угрызения совести.

– Ты скоро путешествуешь? – спросил Скрудж.

– На крыльях ветра.

– Много ты успел пройти за семь лет.

При этих словах дух снова вскрикнул и так неистово загремел своею цепью среди мертвой тишины ночи, что полиция была бы вправе назвать это нарушением порядка.

– О, жалкий узник, скованный по рукам и по ногам! – воскликнуло привидение. – Не знать, что века непрестанного труда бессмертных творений должны отойти в вечность, прежде чем восполнится мера добра, на которое земной мир способен. Не знать, что всякая христианская душа, делающая добро в своей ограниченной области, какова бы она ни была, не может не видеть, что земная жизнь ее слишком коротка для ее обширных средств к добру и служению ближним. Не знать, что никакие века раскаяния не могут возвратить того, что упущено при жизни! А я был таким! О, я был таким!

– Но ведь ты всегда был хорошим деловым человеком, Яков, – произнес Скрудж, который начал прилагать это к себе.

– Деловой! – воскликнул дух, опять ломая себе руки. – Заботы о человеческом роде, об общем благе были моим делом; любовь к ближнему, милосердие и благотворительность – все это было моим делом. Занятия торговлей составляли лишь каплю в обширном океане моих трудов.

Он вытянул руку, держа свою цепь, как будто в ней была причина его бесплодных сокрушений, и с силою бросил ее опять на пол.

– В эту пору истекающего года, – сказал дух, – я страдаю больше всего. Зачем я, проходя между толпами своих ближних, смотрел все вниз и ни разу не поднял глаз на ту благословенную звезду, которая привела мудрецов к убогому жилищу? Разве не было бедных домов, к которым свет ее привел бы меня!

Скруджу страшно было это слышать, и он начал дрожать всем телом.

– Слушай! – воскликнул дух. – Мне остается мало времени.

– Я буду слушать, – сказал Скрудж. – Но не будь жесток ко мне! Говори проще, Яков! Прошу тебя!

– Как это происходит, что я являюсь перед тобою в видимом для тебя образе, того я не могу сказать тебе. Невидимо я сидел рядом с тобою в течение многих, очень многих дней.

Мысль об этом была не из приятных. Скрудж содрогнулся и вытер выступивший у него на лбу пот.

– Это одна из моих сильнейших очистительных жертв, – продолжал дух. – В эту ночь я здесь для того, чтобы предупредить тебя, что у тебя есть еще случай и надежда избегнуть моей участи. Тем и другим ты мне обязан, Эбенизер.

– Ты был мне всегда хорошим другом, – сказал Скрудж. – Благодарю тебя!

– К тебе явятся, – возразило видение, – три духа.

Лицо Скруджа сделалось при этих словах почти так же длинно, как и у его загробного посетителя.

– Это тот самый случай и надежда, о которых ты упомянул, Яков? – спросил он голосом виноватого.

– Да.

– Знаешь что? Мне бы этого не хотелось, – сказал Скрудж.

– Без их посещения, – ответил дух, – ты не можешь надеяться избежать пути, которым я иду. Ожидай первого завтра, когда пробьет час.

– Нельзя ли мне принять их всех сразу и тем покончить с ними, Яков? – вставил Скрудж.

– Ожидай второго в следующую ночь и в тот же час. Третьего – еще через сутки, как только пробьет полночь. Меня больше не жди, но ради собственного блага не забудь того, что произошло между нами!

Сказав эти слова, привидение взяло со стола свою повязку и по-прежнему подвязало ею голову. Скрудж узнал об этом по легкому звуку, произведенному зубами привидения, когда повязкой челюсти были сдвинуты вместе. Он решился снова поднять глаза и увидал, что его сверхъестественный собеседник уже стоит перед ним и цепь по-прежнему обвита вокруг его тела и руки.

Привидение стало отодвигаться от него задом, и с каждым его шагом окно понемногу открывалось, так что, когда дух дошел до него, оно было уже открыто настежь. Он знаком приказал Скруджу приблизиться, что тот и сделал. Когда они были на расстоянии двух шагов друг от друга, дух Марлея поднял руку, предупреждая его не подходить ближе. Скрудж остановился, но не столько из повиновения, сколько пораженный удивлением и страхом, потому что в то мгновение, как привидение подняло руку, до слуха Скруджа донесся раздававшийся в воздухе неясный шум каких-то несвязных воплей раскаяния, невыразимо горестных стонов самообвинения. Привидение, прислушавшись на минуту, затянуло ту же жалобную песнь и исчезло в мраке холодной ночи.

Скрудж подошел к окну и, влекомый любопытством, выглянул наружу.

Воздух был наполнен привидениями, которые, жалобно стеная, безостановочно носились взад и вперед. Каждое из них тащило цепь, похожую на цепь Марлея; некоторые были скованы вместе, но ни одно не было свободно от уз. Многих Скрудж знал лично при их жизни. Особенно близко знаком он был когда-то с одним из них: это был старик, в белом жилете; к ноге его был привязан громадный железный сундук; старик горько и громко плакал, что не в состоянии помочь бедной женщине с ребенком, которую видел внизу у порога одного дома. Горе всех их, очевидно, заключалось в том, что им хотелось бы вмешаться, с доброй целью, в людские дела, но возможность для этого миновала для них навсегда.

Сами ли эти существа поблекли в тумане, или туман закутал их, Скрудж не мог сказать. Но с исчезновением их смолкли и их неземные голоса, и ночь стала опять такою же, какою она была, когда он шел домой.

Скрудж закрыл окно и осмотрел дверь, через которую вошел дух. Она оказалась на двойном запоре, как он собственноручно запер ее, и задвижки были не тронуты. Он было хотел опять сказать: «пустяки», но удержался на первом же слоге. Затем, от перенесенных ли им волнений, вследствие ли дневных трудов, или мимолетно упавшего на него отблеска невидимого мира, или от печальной беседы с духом, или, наконец, за поздним часом ночи, – но он сильно нуждался в покое; поэтому, не раздеваясь, лег в постель и в ту же минуту заснул.

Строфа вторая
Первый из трех духов

Когда Скрудж проснулся, было так темно, что, выглянув из-за занавесок постели, он едва мог различить просвет окна от непрозрачных стен своей комнаты. Пока он силился проникнуть сквозь темноту своими зоркими, как у хорька, глазами, колокола соседней церкви пробили четыре четверти. Он стал прислушиваться, сколько они пробьют часов.

К великому его удивлению, тяжелый колокол переходил от шести к семи, от семи к восьми и так по порядку, пока пробил наконец двенадцать и – остановился. Двенадцать! Был третий час, когда он лег в постель. Часы врут. Должно быть, сосулька льда попала в их механизм. Неужели двенадцать часов!

Он нажал пружинку своего репетира, чтобы узнать настоящий час. Репетир быстро прозвонил двенадцать и смолк.

– Как? Не может быть, чтобы я проспал целый день и прихватил еще изрядную часть следующей ночи. Нельзя же допустить, чтобы что-нибудь случилось с солнцем и что теперь двенадцать часов дня? – сказал Скрудж.

Так как эта мысль не могла не встревожить его, то он кое-как выбрался из постели и ощупью добрел до окна. Ему пришлось рукавом халата протереть замерзшее стекло, прежде чем он мог увидать что-нибудь, да и тогда почти ничего не было видно. Оказалось только, что по-прежнему стоял густой туман и было очень холодно, на улице никакого шума, ни малейшей суетни; а это непременно бы случилось, если бы ночь нагрянула вдруг, среди белого дня, и

завладела светом. Легко вздохнул Скрудж, убедившись, что тревога его была напрасна. А то представьте себе беспомощное положение человека: текст векселя гласит: «через три дня по предъявлении заплатите Эбенизеру Скруджу или его приказчику» и т. д. – а какие же тогда дни считать?

Скрудж снова улегся в постель и начал думать, думать и думать, но ни до чего не мог додуматься. Чем больше он думал, тем больше становился в тупик, и чем больше старался не думать, тем неотвязчивее были его мысли. Дух Марлея решительно не давал ему покоя. Каждый раз как он после зрелого размышления решал, что все это был сон, ум его, подобно отпущенной пружине, возвращался назад к своему первому положению и представлял на решение все туже задачу: «Сон это был или нет?»

Скрудж пролежал в этом состоянии, пока часы пробили еще три четверти. Тогда он вдруг вспомнил слова Марлея, что один из возвещенных им посетителей явится, когда колокол пробьет час. Он решил лежать с открытыми глазами, пока этот час не наступит. Если принять в соображение, что ему так же трудно было бы заснуть, как и взойти на небо, то это было, пожалуй, самое мудрое решение, на котором он мог остановиться.

Эта четверть тянулась так долго, что Скрудж не один раз приходил к убеждению в том, что незаметно для себя засыпал и не слышал боя. Наконец до его напряженного слуха донесся первый удар. «Дин, дон!»

– Четверть, – сказал Скрудж, прислушиваясь.

«Дин, дон!»

– Половина, – сказал Скрудж.

«Дин, дон!»

– Три четверти, – сосчитал Скрудж.

«Дин, дон!»

– Вот и час, – произнес Скрудж, торжествуя, – а ничего нет!

Он проговорил эти слова прежде, чем замер последний звук колокола, отличавшийся на этот раз каким-то особенно глубоким, глухим, печальным тоном. В комнате вдруг блеснул свет, и занавески его постели раздвинулись.

Заметьте: они были раздвинуты рукою; не те занавески, что приходились у него над головою, и не те, что были сзади, но именно та часть их, куда обращено было его лицо. Пораженный таким неожиданным явлением, Скрудж привскочил наполовину и очутился лицом к лицу с неземным посетителем, который их отодвинул. Он очутился к нему так же близко, как я к вам теперь.

Это была странная фигура – как будто ребенок, но в то же время еще более похожая на старика. Смотреть на нее приходилось сквозь какую-то сверхъестественную среду, благодаря которой она виднелась как бы вдалеке, и от расстояния размеры ее казались детскими. Волосы призрака свешивались ему на шею и спину и были старчески белы; но на лице не было ни морщинки, и самый нежный пушок покрывал его кожу. Руки были длинны и мускулисты, как бы обличая необыкновенную силу. Ноги, очень изящно сложенные, были, как и верхние оконечности, голы. Стан его одевала белая как снег туника, а талию охватывал восхитительно блестевший пояс. В руках он держал свежую ветку зеленого остролистника, зато в противоположность этой эмблеме зимы платье его было украшено летними цветами. Всего же замечательнее в нем было то, что с верхушки его головы выходил яркий луч света, которым все это и освещалось. Наверное, по причине этого света у него под мышкой вместо шапки был большой гасильник, который он надевал на себя в минуты своего затмения.

Но даже и не это еще оказалось самою странною особенностью призрака, когда Скрудж пристально всмотрелся в него. Верхом чудесного был пояс: он искрился и переливался то в одной, то в другой своей части; то, что светилось в одну минуту, было темно в другую, а вместе с ним то освещалась, то помрачалась и самая фигура видения; то у него одна рука, то одна нога,

то вдруг как бы двадцать ног, или две ноги без головы, или одна голова без тела, так что никак нельзя было уловить очертания его отдельных частей, когда они вдруг быстро исчезали, едва успев осветиться. Потом все эти переливы внезапно пропадали и призрак становился опять самим собою, ясным и лучезарным по-прежнему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.